
Кровь черного Ягуара
Ирина Савченко
18+

Ирина Савченко

Кровь черного ягуара

«Автор»
2026

Савченко И. Н.

Кровь черного ягуара / И. Н. Савченко — «Автор», 2026

Двадцать лет назад верховный жрец Мутуля сбросил одного из царских близнецов в священный колодец, чтобы спасти династию от раскола.Но подземная река не отдала младенца смерти - она вынесла его на север, в дикие касторовые пещеры заклятых врагов. Теперь великая засуха душит оба царства. Колодцы пусты, люди умирают от жажды, а на границе сходится беспощадная война. Наследник Мутуля Кинич пытается удержать город от голодного бунта и остановить кровопролитие, но верховный жрец срывает мир и толкает армии в мясорубку. Навстречу войску золотого города выходит лучший боец северных племен - беспощадный Балам-Эк, которого солдаты в ужасе зовут Демоном Шибальбы, а по пятам за ним в ночных джунглях скользит чёрный ягуар. Они не знают, что связаны одной кровью и зеркальной болью. Двум братьям придётся встретиться перед лицом тысяч воинов, где на кону стоят вода, любимая женщина и судьба двух народов.

© Савченко И. Н., 2026
© Автор, 2026

Кровь черного ягуара

Пролог.

Ночь в покоях царицы Мутуля пахла горячим копалом, травяным взваром и густой, сладковатой кровью. Снаружи, за циновками из тростника, глухо ревела тропическая гроза, сотрясая известняковые стены дворца, но внутри стояла такая тишина, словно сам бог дождя Чак припал ухом к каменной кладке.

Царица не кричала — царской крови не пристало выть, как крестьянке на глиняном полу. Она лишь вцепилась побелевшими пальцами в резные деревянные брусья ложа так, что ногти треснули, и с хрипом выдыхала воздух сквозь стиснутые зубы. Пот заливал ее высокие скулы, путался в рассыпавшихся по плечам черных волосах, из которых повитухи давно вынули тяжелые нефритовые шпильки.

— Еще раз, госпожа, — тихо прошептала старая повитуха, отирая мокрой тряпицей лоб роженицы. — Солнце уже коснулось края земли. Помоги ему выйти.

Царица выгнулась дугой, глухо зарычав, и в ту же секунду каменные своды прорезал первый, пронзительный детский крик.

Повитуха перехватила скользкий, багровый комочек, ловко перевязала пуповину вымоченной в смоле нитью и обернула младенца в мягкую хлопковую ткань. Мальчик. Крепкий, с темным пушком на голове и громким, властным голосом — таким и должен быть наследник престола. Старуха уже шагнула к дверям, чтобы подать знак ожидающему в коридоре царю и жрецам, как вдруг за ее спиной раздался сдавленный, полный ужаса стон.

Царица снова схватилась за живот. Ее зрачки расширились на всю радужку.

— Там… еще один, — выдохнула она, задыхаясь.

В комнате стало холодно, несмотря на жар тлеющих жаровен. Обе повитухи переглянулись, и в их глазах мелькнул суеверный страх. Двойня. В роду правителей Мутуля близнецы не приносили радости — они несли проклятие. Два семени из одного колоса, два солнца на одном небе, два претендента на одну нефритовую повязку. Древний закон был неумолим: один из братьев должен уйти в Шибальбу, пока не вырос и не утопил город в крови междоусобной войны.

Второй мальчик появился на свет через четверть часа — тише первого, словно уже чувствовал, что в этом мире для него не оставили места. Он лишь слабо пискнул и уткнулся лицом в ладонь повитухи.

Занавесь из циновки резко откинулась. В покои вошел верховный жрец Ахав-Кан. В тусклом свете масляных светильников его лицо, изрезанное глубокими морщинами, казалось высеченным из серого камня. Он молча перевел взгляд с первого младенца на второго, лежащего на окровавленной циновке.

— Один — для трона, — глухо произнес жрец, и голос его прозвучал как удар обсидианового ножа о камень. — Второй — для богов.

— Не трогай его… — прохрипела царица, пытаясь приподняться на ослабевших руках, но тело не слушалось, утягивая ее в черную, душную пустоту. — Это царская кровь… ты не смеешь пролить ее на алтаре…

— Царскую кровь не прольют на камень, госпожа, — бесстрастно ответил Ахав-Кан, кивком приказывая молчаливой служанке завернуть второго младенца в белый погребальный саван. — Вода сама решит, угоден ли он Чаку.

Через час, когда гроза ушла за верхушки сейб, двое жрецов стояли на краю священного сенота. Черная, неподвижная вода в глубине известнякового провала поблескивала в свете

факелов, словно обсидиановое зеркало. Ахав-Кан подержал легкий белый сверток над бездной, прошептал короткую молитву владыкам подземного мира и разжал пальцы.

Не раздалось ни крика, ни плача — лишь глухой, всплеск далеко внизу, да круги, медленно разошедшиеся по темной глади.

А во дворце, на теплых циновках, первый близнец — будущий царь Кинич — впервые открыл глаза и жадно потянулся к материнской груди, еще не зная, какой ценой ему купили право жить под солнцем.

ГЛАВА 1. Вода и пепел

Мальчишка не кричал, потому что у него не было сил даже разжать пересохшие, потрескавшиеся в кровь губы. Он просто висел на руках двух храмовых служак, болтая тощими, как тростник, ногами, и тупо смотрел на синее, выжженное добела небо.

Кинич стоял в трех шагах от алтаря и чувствовал, как по спине под нефритовой пектораль течет холодный пот. Внизу, под ступенями пирамиды, колыхалась серая, воняющая немытыми телами и страхом толпа. Пять тысяч человек. У каждого дома лежали дети с раздутыми от гнилой воды животами или старики, которые уже не вставали с циновок.

— Он слишком мал, — глухо сказал Кинич, не глядя на верховного жреца. — В нем мяса меньше, чем в общипанном попугае. Чак не примет такую жертву.

Ахав-Кан даже не повернул головы. Старик стоял у алтарного камня жертвоприношений, медленно протирая замшей длинный, зазубренный клинок из зеленого обсидиана. В складках его глубоких, словно вырубленных топором морщин забилась белая известковая пыль и засохшая бурая грязь — следы утреннего обряда.

— Чак смотрит не на жир, Кинич, — проскрипел жрец. — Он смотрит на чистоту. Этот щенок не знал женщины, не ел мяса, не лгал на рынке. Его мать выменяла его у храма на два мешка прошлогоднего маиса, чтобы прокормить остальных четверых. Она сама привела его сюда. Хочешь вернуть его ей? Скажи ей это в лицо. Вон она, стоит у третьего столба.

Кинич опустил взгляд. У подножия лестницы действительно стояла женщина в грязной, рваной накидке. Она не плакала. Она смотрела на вершину пирамиды пустыми, мертвыми глазами, прижимая к впалой груди сверток с грудным младенцем, и ждала, когда все закончится, чтобы забрать обещанное зерно.

У Кинича свело скулы. Во рту встал горький, тошнотворный ком. Ему было двадцать лет, через месяц он должен был надеть царскую повязку вместо умирающего от чахотки отца, но прямо сейчас он чувствовал себя не сыном Солнца, а мясником на скотном дворе.

— Воды в нижних цистернах осталось на шесть дней, — тихо сказал он, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Если дождь не пойдет, через седмицу народ начнет рвать друг другу глотки у колодцев. И никакие жрецы их не удержат.

— Дождь пойдет, — отрезал Ахав-Кан. — Когда ты сам откроешь ему дорогу.

Жрец повернулся и протянул наследнику обсидиановый нож. Рукоять была обмотана грубой кожей тапира, потемневшей от чужого пота и крови сотен предшественников.

— Режь сам, — тихо приказал старик, глядя юноше прямо в зрачки. — Не прячься за спинами храмовых слуг. Народ должен видеть, что будущий царь не боится марать руки ради их спасения. Или ты хочешь, чтобы завтра по рынку поползли слухи, будто наследник Мутуля слаб духом, как баба?

Служки рывком уложили мальчишку спиной на выпуклый серый камень. Ребра ребенка резко выпирали под тонкой, обтянутой смуглой кожей грудью, часто и мелко вздымаясь. Мальчишка вдруг перевел взгляд на Кинича. В его темных, огромных глазах не было даже страха — только недетское недоумение.

Кинич взял нож. Камень рукояти обжег ладонь холодом. Он знал, как это делается. Этому учили всех сыновей знати с двенадцати лет на тушах пойманных в сельве оленей. Короткий, сильный удар под левое ребро, рывок вверх, чтобы не задеть кость, и...

— Не тяни, — прошипел над ухом Ахав-Кан. — Солнце в зените.

Кинич шагнул к алтарю. В ушах зашумело, заглушая рокот барабанов и гул толпы. Он занес руку — и в этот самый миг его левое плечо пронзила дикая, ослепляющая боль, словно кто-то с размаху всадил ему между лопаток раскаленное копье.

Ноги подкосились. Кинич глухо охнул, выронил нож, который со звоном отскочил от каменных плит, и рухнул на одно колено, хватаясь правой рукой за плечо.

— Что с тобой?! — рявкнул Ахав-Кан, мгновенно теряя свое ледяное спокойствие.

— Не знаю... — выдохнул Кинич, стиснув зубы до хруста. Перед глазами плыли черные круги. Боль была чужой, рваной — он ясно чувствовал, как по коже под накидкой бежит что-то горячее и липкое, хотя на нем не было ни царапины. — Будто... удар...

Он рванул завязку плаща, обнажая левое плечо. Кожа была чистой, бледной от испарины, но мышцы под ней судорожно дергались, словно от свежего, глубокого пореза.

Жрец замер, уставившись на плечо наследника. Его лицо, минуту назад надменное и жесткое, вдруг стало серым, как пепел в остывшей жаровне. Старик судорожно сглотнул, его пальцы мелко задрожали, сжав край собственного плаща.

— Не может быть... — прошептал он так тихо, что Кинич едва разобрал слова сквозь звон в ушах. — Двадцать лет... Сенот не отдает живых...

— О чем ты мелешь, старик? — прохрипел Кинич, поднимаясь с колен и с подозрением глядя на побледневшего жреца.

Ахав-Кан не ответил. Он резко нагнулся, сам схватил с пола обсидиановый нож и, не глядя на наследника, одним коротким, звериным движением вогнал его в грудь мальчишки на алтаре.

Крик оборвался, не успев родиться. Жрец вырвал дымящееся, еще бьющееся сердце и швырнул его в каменную чашу с тлеющими углями, даже не прочитав положенной молитвы.

— Унести! — рявкнул он служкам, отворачиваясь от алтаря. Его трясло. Кинич впервые в жизни видел, чтобы великий Владыка Змей, перед которым трепетали полководцы, выглядел как загнанная в угол крыса.

Внизу толпа взревела, приветствуя жертву, но дождь так и не пошел. Небо оставалось таким же пустым и раскаленным.

Кинич стоял у края пирамиды, медленно растирая ноющее, будто разрубленное плечо, и смотрел в спину стремительно уходящему вниз жрецу. Впервые за долгие месяцы безысходности внутри наследника что-то щелкнуло. Старик чего-то боялся. Боялся до дрожи в коленях, до потери рассудка.

И это как-то было связано с болью в его плече и тем, что произошло двадцать лет назад.

— Эй, — тихо окликнул Кинич одного из младших стражников, стоявшего у входа в святилище. Парень вздрогнул и вытянулся. — Найди мне сегодня после заката Иш-Чель, дочь старого звездочета. Скажи, что я жду ее у старых водосборников. И смотри, чтобы ни одна собака из храма об этом не узнала. Если проболтаешься — я сам положу тебя на этот камень.

Стражник побледнел и молча кивнул. Кинич снова посмотрел на север, туда, где за выжженными холмами начинались черные, непроходимые джунгли Кануля. Там, в тридцати переходах от Мутуля, в эту

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.